

Седьдесят нас человек отъежьжали (л. 24) вверх по реке кормиться, и там мало не все померли: осталось нас небольшое место. Назад я на плотине приплыл еле жив, не ядши ничево дней с пять. И приволокся ко своим, и жена моя бродила к воеводской жене; и она пожаловала, накормила меня, хотя от нас за себя к богу молитвы. Ис коева дому злоба, ис того и милость! О, великия жены те, Евдокия и Фекла, иже к нам милость неизочтенна, яко же ко Илии с арештянины или Елисею с амантянины — обе добры. А сих же помышляю тех вышьши: Илия польчетверта лета, Елисей не в гладное время, а моей нужды седьмь лет того гладу было. От них назидаем и от смерти избавляем. О сих до зде. Я же з детьми сам-третей отъехав промышлял траву и коренье и черемху.

И жил на одном месте целое лето, и лишю к жене и к детем приехал (л. 24 об.), на мое место наши люди промышлять приехали. И на них нападоша варвары и всех изсекоша и побиша. Нас же бог от смерти избавил. Егда же по бору ходим, тово и смотрим, как застрелит иноземец. И со смертию борющесе на всяк день, в дом приидем, — воевода кнутьем бьет и огнем жжет и убивает до смерти. Меня всегда бранит и пытать хоцет, не знаю чево для. В одну пору в струбе зжечь хотел и дрова припасли, и не вем, как бог избавил; велел от себя оттащить палачам. Топтав и бьючи отволокли к жене и детям без скуфы, волосы выдрав. Отовсюду нам было тесно, тово сказывать много: мучился, живучи с ним восимь лет, пять недель. Мы з женою рекою брели по го[ло]му льду, убивающесе о лед, гладни и наги. Везли на нартах нужную пищу и робят малых (л. 25). Я же з детьми зимами промышлял нужную рыбенку и на всяк день долбил пролубей по десятку. Лед же тамо толст намерзает, в человека вышиною. И от тое работы не могу раскорчитца и ныне, да уже так будет и до смерти. Егда же пришло время назад ехать, в ту весну воевода хотел меня пытать, паки кнутом бить и огнем жечь. Уразумел, что мне велено ехать к Москве, и он боло хотел меня зжечь до смерти... (л. 25 об.).

... [Пашков, отъезжая в Москву] на поезде с сердца дал мне с молоком корову, да овец, да коз стадо оставил. И жена моя корову доила з дочьрю, а я с меншим сыном, что мученик Мамант, козы дояще, и накопили на дорогу сыров и насушили мяса коровья, и овечья, и козья (л. 28 об.).

[О Симеоне Полоцком и Епифании Славинецком]

Блюдитесь, правовернии, злых делателей: овчеобразные волки — Симеон и Епифаний. Знаю я Епифана римлянина до мору, егда он приехал из Рима. Тогда же учению его приложишася руководством Федора Ртищева, и сестры его Аннушки. А Семенка чернец оттоле же выехал, от римскаго папежа, в одну весну со мною, как я из Сибири выехал. И вместе я и он были у царевы руки, и видев он ко мне царевы приятные слова, прискочил ко мне и лизал меня. И я ему рек: „откуда ты, батюшка?“ он же отвеца: „я, отеченька, ис Киева“.